ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ЗЕМЛИ

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Играть честно. Не предавать и не трусить. Не кроить других под себя. Быть человеком, кем бы ты ни был». Банально, да?:)

Писано на Роскон-грелку, тема: «Конец истории. Последний человек», опубликовано в сборнике «Последняя песня Земли».

- Алла Гореликова
  - ○

Алла Гореликова
Профориентация

— Красный! — вззззз… БАХ!

Зеленоволосая эльфа победительно улыбнулась.

— Синий, — заросший рыжей шерстью верзила небрежно вскинул бластер, и на том конце луча полыхнул карманного размера взрыв.

— Голубой левый, — здоровенный орк вскинул тяжелый арбалет — из такого по динозаврам палить, а не воздушные шарики сбивать! Болт прошиб заявленный голубой и случившийся за ним зеленый.

— Дуплет, — взвизгнул кто-то из зрителей.

Орк вскинул кверху лапищу со сжатым кулаком.

— Смоки, давай еще, — крикнула эльфа.

Сидящий на коньке острой черепичной крыши дракончик, графитно-серый, похожий на карандашный рисунок, набрал полную грудь воздуха, задержал дыхание — и выпустил из пасти пёстрый фонтан из конфетти и воздушных шариков. Конфетти разноцветным снегом посыпались на головы зрителей, шарики неторопливо поплыли вверх.

— Жёлтый! — эльфа вскинула огромный лук.

Мальчишка, притиснутый зрителями к стене кондитерской лавки, отчаянно завидовал стрелкам. Хотел бы он уметь так же! Обманчиво-небрежные, отточенные до совершенства движения, мощь оружия, помноженная на умение. Сам он многое знал, но мало чего умел. Разве что водить машину; но что в том толку, если горючки осталось только на путь домой, а пополнить запас негде.

— Эй, пацан, дай пройти, — кто-то больно ткнул под ребра, — стал тут, не видишь — дверь загораживаешь?

Мальчишка, рискуя нарваться на пинок от стоящего рядом тролля, отодвинулся вбок. Мимо протиснулся какой-то мелкий, но наглый не по росту зеленый чешуйчатый тип — не то ящерица, не то гоблин. Зеленый провинтился сквозь толпу зрителей и дернул за штанину орка; лапища с арбалетом дрогнула, болт вместо заявленного розового шарика разнес соседний оранжевый; стрелок зарычал.

— Выбываешь, приятель, — ухмыльнулся парень с бластером.

— Ты, мелочь!..

— Не шуми, — зеленый отскочил от взъярившегося орка, —

тебя принцесса вызывает, и живенько! Понял, шкаф?

Орк плюнул и зашагал прочь. Мальчишка, повторив про себя: «Принцесса!» — на четвереньках выполз на свободную от зрителей мостовую и бросился следом за арбалетчиком.

«У них карнавал, — сказал дед, — праздник середины лета. Самое удобное время. Если не получится найти институт, постарайся хотя бы узнать, кто там правит сейчас. Сохранилась ли служба охраны правопорядка. Что вообще творится».

Держаться за орком оказалось трудно: он шел быстро, а мальчишке то и дело преграждали путь. Мимо проносились вереницы танцующих; протискивались по краю тротуара лоточники со сластями, фруктами, горячими колбасками и холодным квасом; на одном перекрестке его чуть не сбила с ног гигантская сколопендра, а на другом…

На другом он сам остановился.

Дед собрал шикарную фильмотеку; врага нужно знать в лицо, бормотал он под очередные титры, но потом обычно уходил, оставляя мальчишку смотреть в одиночестве. Откровенно говоря, мальчишке плевать было, кто там друг, а кто враг: всё равно это неправда, выдумки, просто способ отвлечься от скучных занятий. Но иногда он представлял себя разбойником из Шервудского леса, или учеником волшебника, или джедаем…

Так вот, те джедаи, что устроили шоу на перекрестке, выглядели даже круче киношных. Не будет большого вреда, если немножко задержаться, подумал мальчишка. Я уже знаю, что здесь есть принцесса, и впереди почти целый день. Всегда мечтал поглядеть вблизи на световой меч.

И подержать в руках. И, может быть…

После шоу он подобрался к молодому джедаю, глядевшему подобрей остальных.

— П-послушайте, — он вдруг обнаружил, что осип, и испугался, не подхватил ли здесь, среди толпы, какой-нибудь вирус; дед очень боялся вирусов. — Послушайте, вы случайно… ну…

— Что, малый?

— Я просто спросить хотел…

— Так спрашивай, — джедай широко улыбнулся.

— Вы… ну, это… учеников берете?

— Да без проблем, — рассмеялся джедай. — Как у тебя с профориентацией?

— Никак, — вмешался другой, подошедший незаметно, седой и щуплый. — Внимательней надо быть, Скайдер. Он обычный

человек. Он не в игре. Не думал я, что остались еще такие. Откуда ты взялся, ребенок?

Мальчишка попятился — и наступил кому-то на ногу. Вскрикнул, оглянулся. Ойкнул.

«Человеком быть немодно, — говорил дед. — У человека нет ни сверхразума, ни сверхсилы, ни сверхспособностей. Только своё. Людям всегда было мало только своего».

— Человеческий детеныш, — розовая пантера тряхнула отдавленной лапой, — что же ты так неосторожен? Право, можно подумать, будто тебя первый раз выпустили погулять без присмотра.

— Так и есть, — неожиданно для себя признался мальчишка.

— И на карнавале ты тоже первый раз?

— Ну да.

— Оно и видно! И живешь ты не в городе, верно?

— Ну… да. А как вы догадались?

— Дедукция, — пантера хлестнула себя темно-розовым хвостом по светло-розовому боку. — В твоем возрасте первый раз попасть на карнавал может разве что фермерский ребенок с гор, и то если его родители — замшелые ортодоксы и…

— Простите, кто?

— Любители старого порядка, — объяснил седой джедай. — Из тех, что венцом творения считают себя и на этом основании отказывают другим в праве меняться. Каким родился, таким умрешь, слыхал такое?

Мальчишка кивнул.

— Скука смертная, — фыркнула пантера. По розовому боку проступили фиолетовые пятна, а морда стала нежно-лиловой.

«Скука, вот наш вечный и неумолимый враг, — объяснял ему дед. — С тех пор, как борьба за выживание перестала отнимать всё время, с тех пор, как у людей появился досуг. Во времена моего детства именно в индустрию развлечений шли самые большие деньги, и там же делались самые неожиданные открытия. Прогресс человечества определяли его игры. Они же нас и прикончили. Сначала компьютеры, потом виртуал. Но кто мог знать, что кончится — этим?!»

— А ты смешной, детеныш, — фиолетовая пантера совсем по-человечьи хихикнула. — Скай, Йода, вы бы угостили ребенка мороженым. Похоже, он встретился с мечтой. А что не в игре, дело поправимое.

— Пойдем, — молодой джедай кивнул в сторону скверика с лавочками и столиками. — Ты с нами, разноцветная?

— Еще бы, — пантера мурлыкнула.

— Тебе вопрос я задал, — напомнил седой джедай, когда мальчишка с мороженым в руке плюхнулся на лавочку.

— Н-ну, — дед говорил, правду городским знать нельзя, даже тем, кто кажется хорошим. Они даже придумали, что соврать, вот только теперь это казалось таким глупым! — Ну, мне просто захотелось на карнавал. Я и пришел, вот. Дома скучно. Вы не думайте, мне вообще-то разрешили. Я…

— Не развлекаться пришел ты. За словами твоими — мысли другие. Темные.

Мальчишка хотел вскочить — но тут мелькнуло что-то перед глазами, мороженое выпало из онемевшей руки, а ноги стали ватными.

— Тёмный? — удивилась пантера. — Просто человек — и тёмный? Йода, такое бывает?

— Как видишь, разноцветная.

— Я — не вижу. — Пантера сменила окраску на нежно-зеленую. — Я чую испуганного ребенка, а тьма и свет — не по моей части.

— Кто прислал тебя? Зачем?

Мальчишка всхлипнул. И дёрнуло же его глазеть на джедайский турнир!

— Позовем волшебника, — предложил молодой. — Геруду позовем, он пацана наизнанку вывернет. Или Саурона, м-м? Не самим же его допрашивать.

— Не… это, ну… не надо…

— Тогда сам говори. Правду.

— А я думал, вы хорошие, — сквозь слезы прошептал мальчишка.

— Хорошие?! Ребенок, у тебя хватает разума делить мир на хороших и плохих? На черное и белое?! — Пантера перекрасилась в зебровую черно-белую полоску, вздыбила шерсть на загривке и клацнула белоснежными клыками.

— Люди, — вздохнул седой. — Чего от их воспитания ждать ещё? Категоричность и ярлыки.

— Вы и сами такие, — фыркнула полосатая пантера.

— Мы — меньше, — буркнул молодой. — Ты говори, малый, не жди, пока спрашивать начнем.

«Останови прогресс, и наступит смерть, — рассуждал дед. — Чтобы оставаться на месте, нужно бежать изо всех сил. Ты не понимаешь? Это потому, что мы давно уж никуда не бежим. Ни

вперед, ни вбок. Ни даже назад. Человечество заигралось, впало в детство. В красивое бесконечное детство. То, чему я учу тебя, не знает никто. Забыты знания, забыты науки. Мы создали слишком мощную базу. Нас погубила сила. И скука, да.

Всё жизненно необходимое производится без участия человека. Великие мыслители древности мечтали о таком. Верили: время, свободное от тупого монотонного труда, человек потратит на самосовершенствование. Как же! Наша мечта — развлекаться, наш бог — Игра!»

Он всхлипывал, глотал слезы — и рассказывал. А сам думал: ну чего стоило просто затеряться здесь в толпе? Может, повезло бы куда пристроиться…

— Значит, есть центр управления, и твой дед хочет его отключить?

Мальчишка молча кивнул.

— И что тогда?

— Н-ну… игровое поле исчезнет. И всё станет, как раньше. И вы станете настоящими… ну, то есть — обычными людьми.

— О, да! — золотисто-рыжая пантера нервно дернула хвостом. — Игры — зло, трудиться надо! Твой дед не говорил тебе, сколько людей тратили жизнь на никому не нужную работу? А сколько — своей работой убивали то человечество, по которому он так скучает? Он тебе о войнах не говорил? О террористах, шовинистах, фашистах, о всякой швали, которой некуда было себя девать? О наркотиках?

«Игры — вот самый страшный наркотик», — повторил мальчишка любимую дедову фразу.

— Ты никогда не играл, — фыркнула пантера. — Несчастный. Что ты вообще знаешь в этой жизни?

— Ну, дед учил меня. Физике, математике. С техникой всякой управляться. Чтобы я сумел отключить эту дрянь…

— Эти слова не твои. Поговорить с твоим дедом надо бы нам.

— Далеко живете? — молодой джедай хрустнул пальцами, и у мальчишки просыпались меж лопаток ледяные мурашки.

— Н-ну…

— Ну? — Джедай наклонился к мальчишке, заглянул в глаза. — Или пришла пора тебя наизнанку вывернуть?

— Не надо! За городом, где продуктовые синтезаторы…

— Хочешь сказать, твой дед — тот отшельник, что смотрит за синтезаторами?

— Нет, мы дальше, за озером. Дед говорит, будь его власть, он бы эти синтезаторы грохнул. Только они с отшельником не дружат.

Алая пантера коротко рыкнула.

— Физике учил тебя дед, — вздохнул седой. — Учил тому, что сам знал. И не мог научить добру.

— Ни один наш мальчишка, — выплюнул молодой, — не предал бы так легко, как ты. Даже распоследний городской воришка!

«Ты ребенок, ты впишешься, — сказал ему дед, провожая в город. — Вот мне точно туда нельзя, категорически. На тебя вся надежда. Вся надежда человечества, ты понимаешь это?»

— Строго его не суди. Трус и убийца его воспитал.

— Дед не…

— Трус, — отрезал джедай. — Убивать он послал тебя. Сам не пошел.

— П-почему… убивать?

— Без игры мертв человек. Не труд сделал человека человеком — верней, не только труд. Ещё и игра.

— Сейчас он скажет, что мы не люди, — фыркнула розовая пантера.

Мальчишка прикусил язык — именно это он и хотел сказать.

«Человечество зависло в вирте. Люди не хотели выходить в реальность. Дети боялись реальной жизни: их дом, привычный и знакомый, был там, где они могли быть всем — светлыми волшебниками и Черными Властелинами, оборотнями и эльфами, джедаями и пришельцами — только не обычными людьми, не слабаками.

И тогда нашему институту дали задание. „Игры — в жизнь“, — это казалось таким хорошим выходом, простым и изящным. После стагнации вирта… но мы слишком хорошо сделали свою работу».

— Теперь вы убьете меня? — прошептал мальчишка.

— Зачем? — пантера клацнула зубами. — Кому от твоей смерти лучше станет? Ты не виноват, что вырос в доме психа и придурка.

— Деда навестим мы, — мрачно сказал джедай. — А малого надо от дури спасти.

— Я его отведу, — серебристая пантера изящно выгнула спину. — Он еще может научиться.

— Ч-чему?

— Играть честно. Не предавать и не трусить. Не кроить других под себя. Быть человеком, кем бы ты ни был. Пойдем,

ребенок.

Обнаружив, что снова может двигаться, мальчишка хотел было дать деру. Но, посмотрев на пантеру, сгорбился и вздохнул. От такого зверя разве убежишь?!

— Нам недалеко, — мурлыкнула пантера.

Они шли по парку; шум карнавала долетал сюда приглушенно и казался призрачным, нереальным. Как в кино, подумал мальчишка. И спросил:

— А вы тоже из фильма?

— Я?! — лиловый хвост метнулся вправо-влево, сшибая пушистые головки одуванчиков. — Вот еще! Я сама себя придумала. И я полагаю, что получилось весьма неплохо!

Несколько шагов прошли в молчании; мальчишка смотрел, как нежно-лиловая шерсть пантеры наливается фиолетовым, а потом самые кончики шерстинок белеют.

— А ты кем хотел бы стать? — спросила пантера.

— Я? Ну… не знаю. Дед говорил, я должен знания… ну, сберечь…

— Знания? Ребенок, если тебе понадобятся знания, ты можешь обратиться в гильдию мудрецов, или к драконам, или к тому же Йоде. Знания — это общее, понимаешь ты? Они для всех и для любого. Какое отношение это имеет к твоей личной судьбе?

— Н-ну… дед говорил, они теряются, и…

— Слушай, ребенок! Вот ты, именно ты — такой, какой ты есть: трусоватый, бестолковый, неуклюжий неумеха — что будешь делать с этими знаниями? Кого ты ими спасешь, если боишься спасать? Кого сделаешь счастливым, если сам счастливым быть не умеешь?! И вообще, зачем знания тому, кто не умеет думать! От тебя только и слышишь: «дед сказал то, дед сказал сё…» — а по сторонам посмотреть и пошевелить мозгами? Даже не знаю, будет ли из тебя толк.

Мальчишка слушал пантеру краем уха. Он вдруг понял — зверюга ведет его как раз туда, куда послал дед. К институту! Трехэтажное здание из белого кирпича посреди парка: вот оно! Здесь, в подвале, тот самый генератор.

— Трусы и предатели, уж извини, никому не нужны. Но ты еще детеныш… да и посмотрим, что скажет…

Тот самый вход! В подвал! Мальчишка сорвался с места, на бегу вынул из кармана брелок с паролем, нажал… дверь открылась, пропустила его — и захлопнулась перед черным носом пантеры.

Зажегся свет.

«Ты должен будешь всего лишь повернуть рубильник. Всего

лишь обесточить; там, правда, есть запасной генератор, но… в общем, неважно. Этого хватит. Мир снова станет настоящим».

Всё здесь было так, как рассказывал дед. Кроме одного. Рубильник оказался выключен.

Кто-то успел до него. Не только деду не нравился новый мир, мир-Игра. Но — ничего не изменилось.

— Почему? — растерянно спросил мальчишка.

— Может, потому, что пришло время для нового витка эволюции? Может, людям пришла пора не технику развивать, а совесть?

Из-за невесть когда обесточенного генератора поднялась золотая драконья голова на гибкой шее, выдвинулась могучая лапа, покрытая слепящей чешуей широкая грудь.

— Вы… кто?!

— Профориентация, — ехидно ответил дракон. — Глупейшее словцо, но мне нравится. Присаживайся. Будем говорить.

— Это… ну, это вы? Выключили?

— Генератор, что ли? Подозреваю, Йода. Скорее всего. А может, Сау.

— К-кто?

— Саурон. Не слышал? Да ты, брат, совсем тёмный.

— Н-но… они же, ну… ненастоящие? Они бы сами, ну… исчезли, разве нет?

— Мда, — протянул дракон, уставясь горящими глазами в перепуганное мальчишеское лицо, — тяжелый случай. Какая уж тут, извините, профориентация… тут мироориентация нужна. Придется тебя того…

— Ч-чего?! Убить?

— Тьфу, бестолочь! — высунулась из-за золотой драконьей лапы рыжая морда пантеры. — Одно на уме — убить!

— Разноцветной тебя отдам, — объявил дракон. — И ей себя занять, и тебе нормальное воспитание не помешает.

— Не было печали, — проворчала пантера. — Ты, ребенок, хоть о чистоте в доме имеешь понятие?

Мальчишка задумчиво шмыгнул носом.

— Научишь, — обнадежил дракон.

По парку брели в обнимку зеленоволосая эльфа с огромным луком за плечами и заросший рыжей шерстью верзила с бластером за поясом. Над их головами плыл красный, сердечком, воздушный шарик.

— Привет, разноцветная, — помахала рукой эльфа. — Кто это у тебя?

— Не видишь? — буркнула малиновая пантера. — Ребенок. Буду его того… мироориентировать.

Неловко наступая на собственные лапы, за пантерой спешил рыжий в полосочку, с растерянной мордой котенок.

© Copyright Гореликова Алла, 27/08/2007-17/02/2009.